

О межфакультетской лаборатории биоорганической химии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1616>

17 июня 2013

Собеседник

Богданов Алексей Алексеевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 17 июня 2013 и опубликована 11 июля 2018.

Введение

В третьей беседе Алексей Богданов подробно рассказывает о межфакультетской лаборатории биоорганической химии, которая впоследствии стала основой Научно-исследовательского института физико-химической биологии имени А. Н. Белозерского МГУ. Уникальная организационная форма межфакультетской лаборатории была придумана ректором Иваном Петровским и создана так, как и должны организовываться научные и творческие коллективы — без бумаг, на джентльменском соглашении выдающихся людей: Колмогорова, Гельфанда, Белозерского, Прокофьева и Петровского. Богданов вспоминает о своем сотрудничестве с биологами и медиками и любопытный факт опасения ученых, переживших лысенковский погром в биологии, самого употребления словосочетания «молекулярная биология».

Создание кафедры химии природных соединений и межфакультетской лаборатории биоорганической химии

Алексей Алексеевич Богданов: Это началось после лысенковского разгрома, и Михаил Алексеевич Прокофьев, который еще в это время был в Министерстве высшего образования первым заместителем министра, все это обсуждал с Иваном Георгиевичем Петровским. Они решили, что есть смысл выделить лабораторию химии белка в кафедру, — ее назвали химии природных соединений, — кафедру существенно расширить и разместить ее в этом корпусе.

Очень важно, что параллельно Иван Георгиевич Петровский задумал разместить в этом же корпусе три межфакультетских лаборатории. Значит, это лаборатория*, которую он попросил организовать Андрея Николаевича Белозерского. Она должна была быть самая большая, в ней должны были объединиться биологи, химики и физики немножко. Потом отдельная лаборатория**, которая бы серьезно занималась проблемами математической биологии, применением математики в биологии. Это еще до того, как возникла биоинформатика. Было решено, что ей будет заведовать Израиль Моисеевич Гельфанд, один из самых крупных математиков XX века наших. Кроме всего прочего, Иван Георгиевич решил еще поместить туда межфакультетскую лабораторию***, которой руководил бы, и ей действительно какое-то время руководил, Андрей Николаевич Колмогоров, другой великий математик. Они должны были заниматься проблемами, связанными, естественно, с теорией вероятностей, математической статистикой, применением математических методов в биологии и в других естественных дисциплинах.

* Межфакультетская лаборатория биоорганической химии

** Межфакультетская лаборатория математических методов в биологии

*** Межфакультетская лаборатория статистических методов

Корпус, который для этого должен был быть построен, был построен очень быстро, за два года, к концу 65-го года он был уже закончен. Несмотря на молодые годы, мне пришлось принимать активное участие по поручению Михаила Алексеевича в строительстве этого корпуса. Мы занимались планировкой, без конца ездили в ГИПРОВУЗ, который планировал этот корпус. Денег было немного, корпус получился внешне очень скромный. Как потом писали корреспонденты, которые сюда приходили, что «единственное, что есть в этом корпусе хорошего, — это большие окна», которые вы можете видеть и сейчас. Надо сказать, что где-то в конце 65-го года начался переезд. Здесь стала размещаться кафедра высокомолекулярных соединений. Наша кафедра, уже вновь организованная, сюда переехала, Михаил Алексеевич ее разделил на три лаборатории.

Что очень важно, что одновременно (это была его идея, его и Андрея Николаевича Белозерского) каждая лаборатория кафедры химии природных соединений будет представлена в межфакультетской лаборатории отделом. Скажем, лаборатория химии нуклеиновых кислот на кафедре и отдел химии нуклеиновых кислот в межфакультетской лаборатории, при этом один и тот же заведующий был и там, и там.

Михаил Алексеевич Прокофьев. Источник фото: www.naukarao.narod.ru

Татьяна Витальевна Богатова: А сотрудники одни и те же, или вариации случались?

А. Б.: Нет, фактически были одни и те же. Профессор, который заведовал лабораторией, скажем, Зоя Алексеевна Шабарова заведовала лабораторией химии нуклеиновых кислот, и параллельно создавался отдел. Что это давало? Это давало то, что действительно налаживался и начинал существовать настоящий контакт с биологами. Поскольку кафедра была ориентирована на молекулярную биологию, то есть на изучение молекулярных основ биологических процессов фундаментальных (нуклеиновые кислоты и белки), то был очень важен контакт с настоящими биологами. И они тоже тут селились. Надо сказать, что в начале это тоже были представители каких-то кафедр биологического факультета. Прежде всего, кафедра Андрея Николаевича Белозерского, которая стала в это время называться кафедрой молекулярной биологии. Потом кафедра биохимии, которой заведовал Сергей Евгеньевич Северин. Потом была создана в связи с появлением этого корпуса новая кафедра вирусологии. Ей сначала Андрей Николаевич сам тоже заведовал, потом стал заведовать Иосиф Григорьевич Атабеков. Эти кафедры тоже, так сказать, сливались каким-то образом с этой межфакультетской лабораторией.

Т. Б.: То есть тоже соответствующие отделы были в ней?

А. Б.: Да. Скажем, на кафедре вирусологии тоже были две лаборатории: вирусов растений и вирусов животных, и такие же были отделы на кафедре. Вот в случае кафедры биохимии Северин Сергей Евгеньевич выделил сюда две своих лаборатории, которые были у него на кафедре, они разместились здесь. Одна из них — это лаборатория биоэнергетики, которой сразу стал заведовать Владимир Петрович

Скулачёв, который в будущем стал нашим директором. Конечно, организационно это было очень важно, что так все было задумано как отдел лаборатории кафедры. И территориально тоже, конечно.

Кроме всего прочего, тем лабораториям, которые были связаны в основном с математикой — межфакультетская лаборатория Гельфанда и межфакультетская лаборатория Колмогорова, — им-то, в сущности, ничего не нужно было из оборудования. То есть им нужны были нормальные помещения, и они здесь получили. У нас есть в этом корпусе так называемая сухая часть, где нет ни тяг, ни газа, может, водопровод есть. В этой сухой части разместились математики, а вся остальная часть корпуса была сделана как химический корпус.

Если смотреть, что случилось уже в последующие годы, то фактически связанной так неразрывно, тесно оказалась межфакультетская лаборатория биоорганической химии.

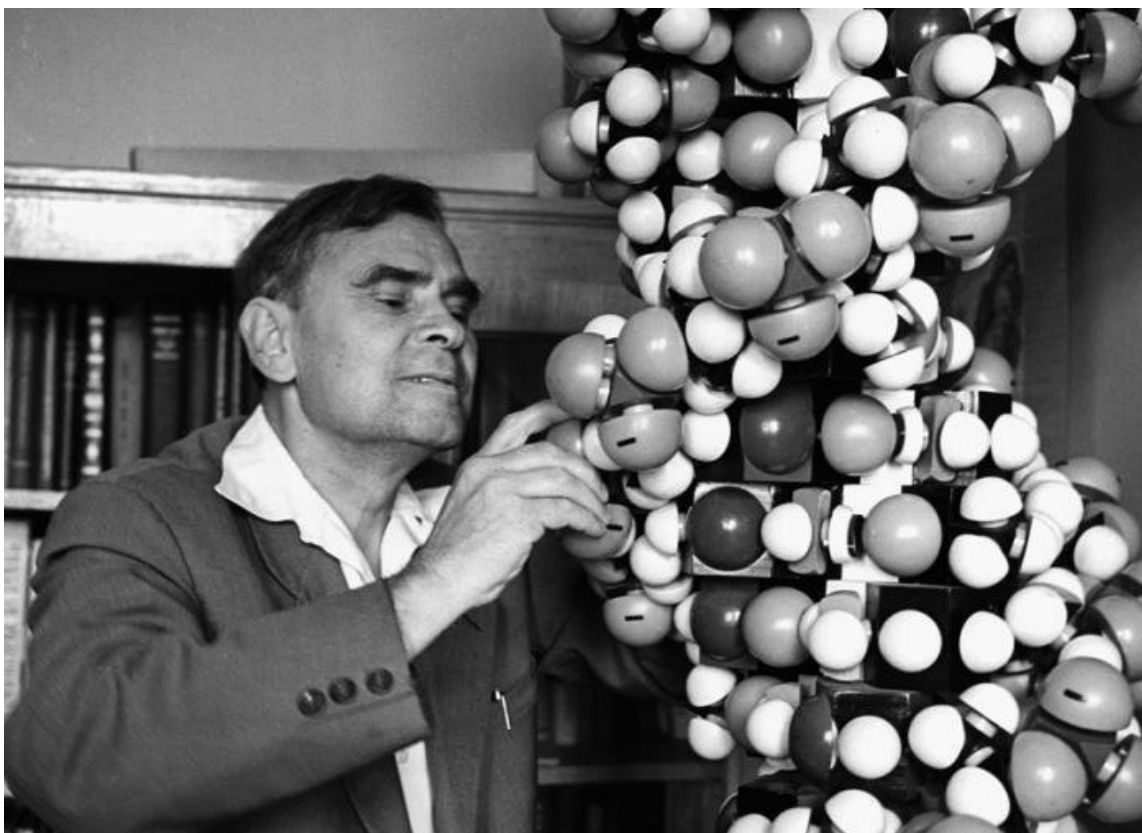
” **Надо сказать, что тоже это название интересное, потому что, конечно, по сути это была лаборатория молекулярной биологии, но Андрей Николаевич еще опасался этого термина в это время.**

Т. Б.: Какого? Молекулярная биология?

А. Б.: Да, потому что лысенковцы молекулярной биологии никакой не признавали, они в этом видели опять, так сказать, гены, генетику и так далее. Несмотря на то что, конечно, лысенковская эра тогда уже закончилась, у людей старшего поколения осталась определенная осторожность. Я могу привести другой пример. Институт, который создал Энгельгардт в эти же годы, на два года раньше, он его назвал физико-химической радиационной биологии вначале, хотя по сути это был институт молекулярной биологии, молекулярной генетики. И только года через три переименовали его в молекулярную биологию.

Т. Б.: Как надо.

А. Б.: Как надо, да. Так что сейчас уже кажется забавным.

Андрей Николаевич Белозерский в своем кабинете разглядывает модель спирали ДНК. Москва, 1963. Фото Владимира Акимова. Источник фото: <https://kot.sh/>

Сотрудничество с биологами

Т. Б.: Алексей Алексеевич, вы сказали «контакты с настоящими биологами здесь стали возможны», а вот допустим, тот отдел, который был представлен кафедрой химии природных соединений, в него входили только химики, или все-таки потом начали вливаться люди с биологическим образованием?

А. Б.: Нет, только химики. Кафедре будет скоро пятьдесят лет, и все эти пятьдесят лет это соблюдалось. И в этом мы видели всегда некую очень важную черту этой кафедры. Она должна была оставаться химической. Сюда должны были приходить люди с химическим образованием, с химическими методами, с химическим мышлением, но те, для кого биология близка и которые потом могли установить с биологами контакт.

Т. Б.: А как устанавливался такой контакт?

А. Б.: Во-первых, возникали какие-то совместные работы.

Т. Б.: С другими отделами?

А. Б.: Да, с другими отделами. Во-вторых, скажем, на третьем этаже располагались у нас отдел и лаборатория химии нуклеиновых кислот. Потом через несколько лет выделилась из нее еще одна лаборатория и еще один отдел, который назывался химии и биохимии нуклеопротеидов, которым я стал заведовать. Этот этаж начинается с взмээсников, с кафедры ВМС*, они занимают примерно треть этого коридора. Потом следующая часть коридора — это как раз эти лаборатории химии нуклеопротеидов. За следующей стенкой работает отдел эволюционной биохимии. Эти люди — настоящие биологи, их интересует биологическая эволюция. Какие у нас, например, были контакты. У них возникает такая

проблема: откуда произошел животный мир Байкала. Он не очень богатый, но очень своеобразный. Идея заключалась в том, что если мы возьмем какое-то животное или какую-то рыбу, или там есть креветки, есть губки байкальские, в конце концов, есть там и байкальская нерпа.

* Кафедра высокомолекулярных соединений

Т. Б.: То есть такие вполне эндемичные виды.

А. Б.: Если взять этих животных, выделить из них ДНК, то эту ДНК можно сравнить с ДНК очень похожих животных, которые живут в море, в океане. А геологи утверждают, что Байкал когда-то мог быть соединен с Северным Ледовитым океаном. Либо они чисто речного происхождения, тогда можно взять ДНК у речных соответствующих животных и эти ДНК сравнивать. Несмотря на то что это, конечно, были примитивные методы сравнения, но такая возможность была. Что нужно было сделать этим биологам. Нужно было, чтобы им кто-то помог выделить эту ДНК.

Т. Б.: А это вы как раз хорошо умеете.

А. Б.: А это мы как раз умели. Мы ехали с ними в общие экспедиции на Байкал, на Дальний Восток, вот мне пришлось. Это было безумно интересно, потому что, во-первых, это Байкал, скажем. Во-вторых, биологи, которые с нами едут, нам столько могли рассказать не только о Байкале, но и об окружающей тайге, о растениях.

Т. Б.: Вполне квалифицированная экскурсия.

А. Б.: И это не просто экскурсия, это двухмесячная работа на базе Иркутского университета. Из всего, из чего только можно выделить, мы выделили ДНК, потом они с ней работали. Вот какие-то такие контакты. Это может быть даже не главное, потому что для нас самое интересное было — это примазаться к ним и поехать в экспедицию на Байкал, на Дальний Восток, на Сахалин. Конечно, были более серьезные контакты, особенно с вирусологами, которые вот здесь возникли, потому что вирусы и вирусы растений прежде всего (с вирусом полиомиелита мы тоже работали достаточно как химики) — это очень хорошие объекты. Они так хорошо охарактеризованы, их можно получать в индивидуальном состоянии.

Т. Б.: Кристаллизовать.

А. Б.: И кристаллизовать даже, да. В общем, с ними работать. Кроме всего прочего, мы очень много узнавали о том, как живут и работают биологи, чем они дышат, какие у них есть задачи.

Коллектив межфакультетской лаборатории

Наконец, здесь еще был очень важный момент: Михаил Алексеевич, Андрей Николаевич и Северин стояли на том, что сюда должна переехать прежде всего молодежь.

” Это удивительно сейчас звучит, но у нас средний возраст заведующих лабораториями и заведующих отделами был двадцать девять с половиной лет в конце 65-го года. Он был бы еще ниже, но нам немножко портили несколько старших товарищей, которые сюда попали.

Т. Б.: Статистику, да.

А. Б.: Да. Представить себе сейчас это очень трудно. И этот статус межфакультетский подразумевал, что мы абсолютно все должны были быть связаны (так и остаемся) с факультетами — у нас студенты, у нас аспиранты.

Т. Б.: То есть учебная жизнь идет полным ходом?

А. Б.: Да, совершенно нормальным. Здесь были практикумы и есть практикумы, здесь лекции читаются, здесь сразу были запланированы аудитории такие, в которых студенты могут слушать лекции. То есть это была совершенно органичная часть университета. И вот этот молодой коллектив, причем собравшийся из разных мест, потому что у нас еще несколько очень талантливых физиков в те времена работали. Были люди, которые пришли даже из других институтов, потому что не все можно было найти в университете. В силу молодости, в силу энтузиазма, в силу того, что мы очень хорошо друг к другу относились, в силу, я бы еще сказал, некоторой изолированности территориальной от университета тут какая-то такая своя шла жизнь. В общем-то, нам тут было очень хорошо.

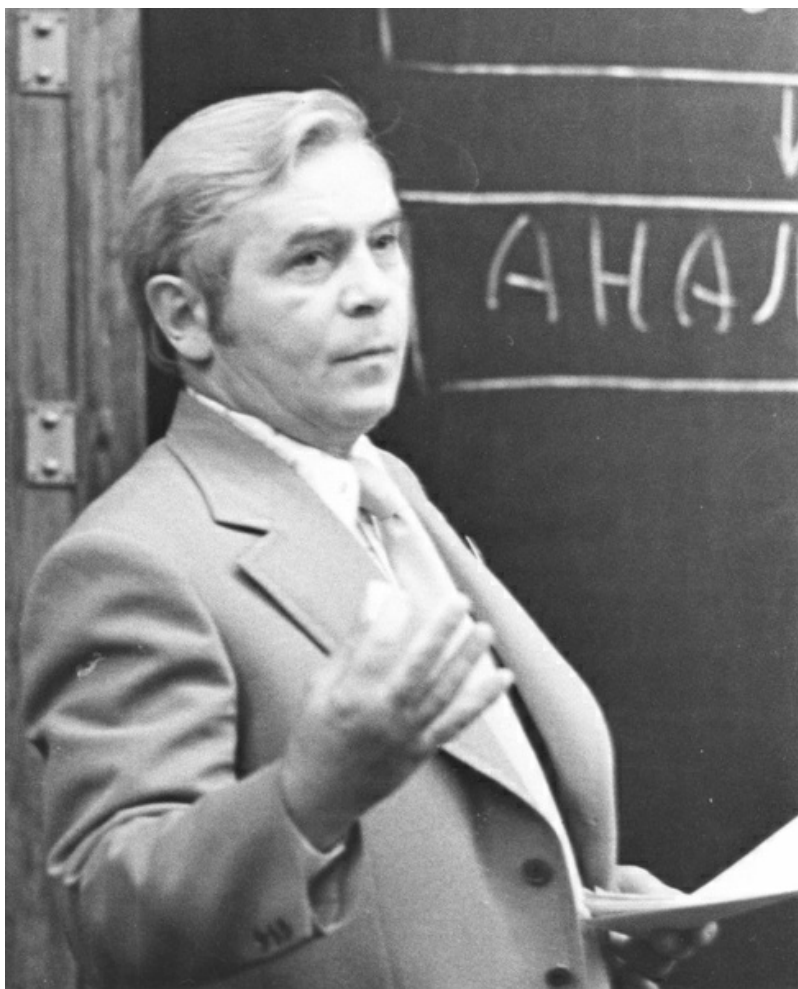
Об Илье Васильевиче Березине

И вот о чем я обязательно тут же должен сказать, по-моему, в прошлый раз я об этом начал говорить, что здесь очень важной фигурой, фактически центральной... Потому что вы понимаете, что Андрей Николаевич — академик, его сделали в это время еще вице-президентом Академии наук, когда умер Шемякин, на какое-то время. Михаил Алексеевич стал министром просвещения. Северин тоже, так сказать, большой академик, который где-то там на биофаке. То есть здесь как бы все было отдано полностью на наш откуп, вся эта жизнь здесь. Конечно, какой-то человек с большим опытом был нужен. И это было тоже очень мудрое решение Михаила Алексеевича: он сюда пригласил Илью Васильевича Березина. Я говорил о том, что Илья Васильевич в это время, так сказать, поменял профиль своей кинетической науки, решил заниматься ферментами после стажировки в Гарвардском университете.

Т. Б.: Да, как раз он в 61-м году, кажется, туда ездил.

А. Б.: Я сейчас точно скажу. Он там был в 63-м — 64-м году, потому что я был через два года после него. Когда я приходил в ту лабораторию, где он работал когда-то, мне тут же показывали и каждый раз (наверное, я там на разных людей попадал) говорили: «А! Вот у нас был тут один советский. Он сделал эту установку, это полный автомат, но никто на нем вообще после него не работал и работать не может, не может понять, как ей пользоваться». А он придумал какой-то автомат, по-моему, для определения СО или чего-то еще, что-то, что выделялось во время ферментативной реакции, сделал там какую-то из... Потому что у Ильи Васильевича была замечательная инженерная мысль, подготовка и хватка. А здесь он как раз организовал тоже отдел химической энзимологии, из которого потом выросла кафедра. Это был тот случай, когда из отдела, наоборот, кафедра на химфаке выросла. Когда он стал деканом в 69-м году, то он начал организацию этой кафедры, тогда они в этом корпусе разместились.

Т. Б.: Он себе построил еще один.

Илья Васильевич Берзин. Источник фото: <http://letopis.msu.ru>

Отдел научной информации

А. Б.: Это был склад, но из него сделали маленький лабораторный корпус. Илья Васильевич очень много чего здесь придумал. Кое-что я вам могу перечислить. Во-первых, он придумал отдел информации. Он туда позвал одну девочку, семидесятилетие которой мы недавно отметили, Зою Залесову, и сделал ее заведующей. Когда она нашу кафедру кончала, ей нельзя было работать с химией, проблемы были. Он сделал ее заведующей тоже, ей было тогда, наверное, двадцать пять лет, да. И почему? Потому что никакой возможности иметь здесь свою собственную библиотеку не было. Здесь была библиотека у математиков, потому что Колмогоров сюда перевез все свои книжки, журналы. Он как великий человек и так же, как и Гельфанд, член двадцати академий, всегда получал большое количество литературы по математике, но нам от этого было не легче.

Илья Васильевич придумал такую систему. Во-первых, раздобыл где-то копировальный аппарат, его еще нельзя было назвать ксероксом, но что-то вроде ксерокса. На нем делать было очень сложно, он был очень низкопроизводительный, но все-таки. И он придумал, что люди из этого отдела будут ездить, ходить по библиотекам на химфак, на биофак, в Институт биоорганической химии. Мы все в одном доме были, молекулярная биология. Кое-что нам давали из библиотеки Академии наук. Два раза в неделю эти журналы привозились сюда. Здесь договаривались, называлось «просмотр». Все приходили, здесь было место, где все могли встретиться, собраться.

Т. Б.: Тусовка такая своеобразная.

А. Б.: Да. Делали заказы. Вначале мы просто там себе какие-то выписывали, так же как и когда мы ездили в какие-то другие библиотеки, как работали с литературой: делали какие-то записи для себя. Потом постепенно это все превратилось в копирование, в конце концов уже в такое массовое ксерокопирование, когда просто люди приходили, отмечали, что они хотят, какие оттиски получить. Некоторые до сих пор это делают, несмотря на то что сейчас все в электронном виде, все онлайн, доступ есть практически у всех. Но есть люди, которые все равно любят, их очень мало уже осталось, туда прийти, заказать какие-то себе ксерокопии.

Этот отдел информации сразу стал делать фотографии. Туда взяли очень хорошую переводчицу с английского, для того чтобы статьи можно было на английский язык переводить и редактировать. А фотографическая лаборатория там была очень высокого класса. Если вы работаете на электронном микроскопе, сейчас вы получаете изображение на компьютере в оцифрованном виде, сохраняете, распечатываете — все, что хотите, а раньше снимки были на пластинках, на пленках, в общем, все это нужно было...

Т. Б.: То есть с микроскопа эти снимки нужно было делать фотографическим способом?

А. Б.: Да, там были профессиональные фотографы, которые это делали очень качественно для работы, для статей.

Т. Б.: Большая подмога.

А. Б.: Ничего похожего в университете не было. И довольно рано (это уже, правда, была инициатива Владимира Петровича Скулачёва, по-моему, не Ильи Васильевича) занялись цитированием, в начале 70-х годов. То есть наше цитирование знали уже. Этого индекса Хирша не было, но вот идентифицировали, тогда уже существовал этот институт американский, как он назывался?

Т. Б.: Science Citation Index*.

А. Б.: Институт Гэллага**, который выпускал Science Citation Index. В общем, все это тоже было у нас. Специальный сотрудник сел на это дело в этом отделе, и все вот наше цитирование... Они также добывали какие-то нам статьи из других библиотек. Потом они уже помогали и диссертации оформлять. В общем, мы их до сих пор очень ценим и любим, хотя сейчас, конечно, профиль у них очень сильно изменился, потому что все это связано уже с компьютерами.

* Индекс цитирования научных статей

** Science Citation Index был создан Институтом научной информации (Institute for Scientific Information, ISI). Институт Гэллага занимается исследованием общественного мнения.

Т. Б.: С носителями. То есть сейчас они ищут информацию в базах электронных для вас?

А. Б.: Ищут все более или менее сами, конечно, но иногда что-то такое, какой-то архив. Мы подписывались только на русские журналы, ни на что другое подписаться нельзя было. Вот такой архив русских журналов тоже у нас хранится. Потом уже многим людям стали, так сказать, по разным каким-то грантам... Получали «Nature» или еще что-то. Обычно в этот отдел все это передавалось. Это было, так сказать, первым очень ярким делом Ильи Васильевича.

Оснащение оборудованием

Второе дело было совершенно для университета тоже необычное. Мы начали получать много оборудования, хорошего оборудования, потому что Иван Георгиевич фактически лет пять или шесть все, что валютное поступало в университет, отдавал нам. Это вызывало, конечно, ревность. Фактически управление капитального строительства, там был отдел оборудования, просто работал как наш отдел.

Тут без конца какие-то фирмы паслись, нам давали оборудование все время на апробирование, на испытание. Действительно, оборудовались мы очень хорошо, буквально за 65-й — 66-й год. Во всяком случае, когда я попал в Гарвард в 66-м году, мне кое-чего не хватало.

Т. Б.: Что было здесь?

А. Б.: Из того, что было здесь, да. Как-то оно было доступнее даже здесь. Но принцип был такой, что это оборудование не идет в лаборатории.

Т. Б.: А куда же идет?

А. Б.: А идет оно в общеметодические отделы. Илья Васильевич их сначала назвал отделами общего пользования. Не очень хорошее название. Потом мы придумали методические отделы. Они были двух сортов. Скажем, отдел спектральных методов — туда помещалось все высокого разрешения: спектрофотометры, приборы для спектров поляризации, для кругового дихроизма, инфракрасные и так далее. Там же были операторы, которые за ними смотрели. Очень немногим людям, таким уж очень опытным и которым можно было доверять, доверялось работать самим. А так приходили, заливали в кювету, кювету совали в прибор, и работал оператор. На некоторых приборах этот принцип сохраняется до сих пор. На аналитических ультрацентрифугах мы не разрешаем самим крутить, где сложная система заполнения ячеек, подвешивание ротора и так далее.

И вот таких отделов у нас организовалось под эгидой Ильи Васильевича... Кроме информации, о которой я вам сказал, это электронная микроскопия. Там были собраны все микроскопы, тогда, безусловно, самые лучшие электронные микроскопы там стояли, больше нигде таких не было. Потом отдел спектральных методов, отдел аналитического центрифугирования, отдел изотопов, для него был специальный корпус построен. И здесь с изотопами работать не разрешалось, хотя все работали, во всяком случае, с высокой меткой. У каждого отдела была своя комната, и у многих до сих пор остается. И вот эта пристройка, которая там была. Что-то я, наверное, забыл.

Если заведующий отделом был достаточно сильным ученым, он, конечно, заводил еще свою науку, у него была научная группа, как в электронной микроскопии у нас был Юрий Сергеевич Ченцов, который потом долго кафедрой на биофаке заведовал. У него сразу появилась научная группа, но в то же время там были операторы, которые в понедельник приходили, записывались, когда они будут работать, и потом приходили уже со своими препаратами, и оператор уже делал эту основную работу. И это всегда были отделы, которые были привилегированны в том смысле, что там старались как-то платить побольше.

Т. Б.: Ну да, не как техническим работникам.

А. Б.: Да, техников на инженерных ставках держали. Какие-то образовались сразу, очень много к нам пришло даже не из университета, потому что в университете сидели все на своих местах. В стеклодувную мастерскую, у нас маленькая была, пришел совершенно гениальный стеклодув из Института химфизики*, который там делал чудеса. Он, конечно, всегда говорил: «Чем вы тут занимаетесь? Ничего вам такого для настоящего высокого вакуума даже не требуется».

* Институт химической физики имени Н. Н. Семенова

Кроме аналитических центрифуг, у нас есть препаративные, когда большие количества осаждаются при определенных скоростях в центрифуге. Вот к нам пришел специалист по этим центрифугам. Ему уже сейчас за восемьдесят, он их немножко курирует, хотя теперь есть сервисные фирмы, которые приезжают и что-то чинят. Но он был абсолютно уникальным человеком в Москве, на разрыв. Конечно, он много где подрабатывал всегда, но держал все в идеальном порядке. В общем, такие вот уникальные люди.

Потом Илья Васильевич еще очень много сил положил вместе с нашим главным инженером (такой был у нас Назаров Александр Исаевич), чтобы создать здесь хорошие мастерские, прежде всего механические и электронные мастерские. Надо сказать, что вначале они очень многие электронные приборы и приборчики для нас делали, те, что еще нельзя было купить или очень дорого стоили.

Они могли сделать практически все.

Т. Б.: То есть они не пересекались с теми мастерскими, которые были под руководством Алёхина при факультете, это были свои уже особые, да?

А. Б.: Нет. Понимаете, как получилось, это были институтские мастерские, и эти отделы методические были институтские. Но никто никогда вот не спрашивал, откуда ты пришел — с кафедры вирусологии или с нашей кафедры, или ты с... Кое-где мы объединялись с ВМС, до сих пор общее аналитическое центрифугирование с ВМС. Приходили и работали, то есть для нас это все стало нашим, хотя мы были химфаковские. Это для нас были общие отделы.

Т. Б.: Коммуна такая получилась.

А. Б.: Да. Все было прекрасно, все было хорошо, и результаты пошли. Раньше еще партийные организации были, правда? Партийная организация у нас была общая в этом корпусе.

Проблемы межфакультетской лаборатории

А потом, значит, начались наши беды.

Т. Б.: Какие же беды?

А. Б.: Сначала как-то очень быстро умер Андрей Николаевич, у него был рак, он сначала скрывал, никто не знал. Он умер в конце декабря 72-го года. У нас сразу встал вопрос о том, кто будет заведовать этой лабораторией. Илья Васильевич в это время... Да, уж если рассказывать, я даю личное интервью, я должен сказать, что для меня тут было важное событие. 69-й год — Березин ушел на химфак деканом, в апреле 69-го, а он был заместителем Белозерского по науке. Значит, все сообщество сделало меня заместителем Белозерского по науке в 69-м году. Так что я перешел сюда с химфака, я там был доцентом. Здесь организовали отдел вот этот, я перешел сюда заведующим этим отделом.

Т. Б.: То есть это совпало — отдел нуклеопротеидов и ваше замещение.

А. Б.: Его организовывали, что называется, под меня, потому что я уходил тогда с химфака. Михаил Алексеевич даже таких вопросов не обсуждал: ушел, перешел, читаешь курс, так ты его и читаешь.

Т. Б.: Все, что было, то осталось.

А. Б.: Никто даже не делал никакого различия, где ты числишься — в этой межфакультетской лаборатории или на кафедре. У нас до сих пор на кафедре два основных курса из трех читают сотрудники института Белозерского. Курс химии нуклеиновых кислот — это Марина Борисовна Готтих и Александр Андреевич Байков. Марина Борисовна здесь главный научный сотрудник. Байков заведует отделом химии белка. Они читают курс химии белка и курс химии нуклеиновых кислот уже много-много лет. Так было установлено, что это нормально. Даже преподают в практикуме. Кстати, еще и органику на факультете преподавали сотрудники вот этой лаборатории, потом института.

Беды начались с того, что мы, конечно, еще были слишком молодые. Иван Георгиевич Петровский стал думать, кого же нам посадить. Обсуждались разные кандидатуры. Он уговаривал Спирина, у которого тоже была маленькая группка в этом корпусе, связанная с кафедрой молекулярной биологии. Тот отказался категорически, потому что он был директором института* в Пушкино и ни о чем другом думать не хотел. В общем, мы сошлись все на кандидатуре Владимира Петровича Скулачёва и не ошиблись. Кстати, он был у нас единственный доктор наук.

* Институт белка АН СССР

Т. Б.: Да? То есть это еще пора кандидатства вашего.

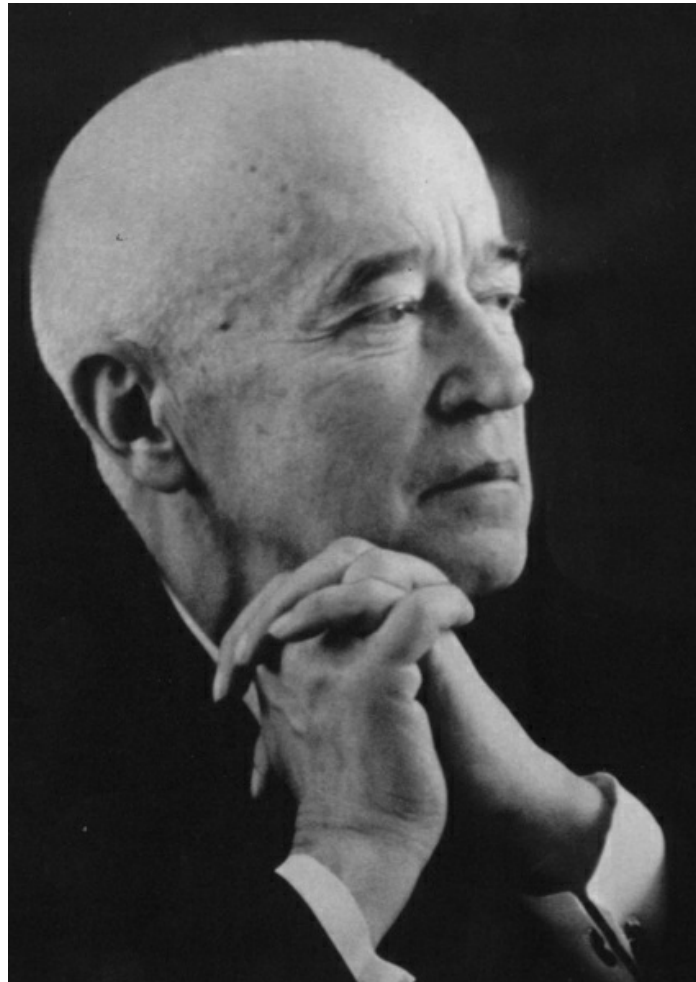
А. Б.: Березин был доктором наук, и Скулачёв. Он защитил как раз в году 70-м, наверное. Мы в конце

концов пришли к Ивану Георгиевичу, это было, я думаю, где-то числа 3 января. Он сразу подписал приказ о том, что назначает его директором, а на следующий день он умер.

Т. Б.: Кто?

А. Б.: Петровский. Тут разные существуют версии, но у него были какие-то очень большие неприятности. У него сердечный приступ сильный был, когда он поехал в ЦК что-то такое обсуждать. Так сказать, он фактически там и умер. Так что у нас умер Белозерский в конце декабря, 30-го, а 4 января, или 5-го, умер Иван Георгиевич Петровский*. К счастью, он нам успел назначить директора. Какое-то время, конечно, мы жили, чувствуя себя сиротами, но постепенно как-то жизнь налаживалась. Мы все-таки знали, что есть Северин, который нам чем-то может помочь, есть, конечно, Михаил Алексеевич Прокофьев. Он как-то не очень, я бы сказал, вникал в дела этой межфакультетской лаборатории, но все, что касалось кафедры, а как я уже сказал, кафедра была очень сильно завязана на эту лабораторию, так что он тут был. Но дальше все пошло не так гладко. У нас произошло событие, связанное с Сергеем Адамовичем Ковалёвым, нашим сотрудником.

* Иван Георгиевич Петровский умер 15 января 1973 года.

Иван Георгиевич Петровский. Фото из архива отдела устной истории НБ МГУ

Т. Б.: А он был здесь сотрудником?

А. Б.: Он был наш сотрудник, да. Значит, то, что он, так сказать, диссидентствовал, мы толком не знали. У него уже какая-то правозащитная деятельность в это время была, и еще один сотрудник, они работали

в лаборатории Гельфанда. Но нас все рассматривали как единый коллектив. Партийная организация...

Т. Б.: Они математики, да?

А. Б.: Нет, Ковалёв... У Гельфанда было здесь несколько чистых математиков, вот такой Гиндикин, знаменитый, который сейчас в Принстоне, но в основном у него здесь работали биологи. Биологи какие? Это были физиологи, которые пришли частично из Пущино, частично с кафедры, откуда вот Сергей Ковалёв пришел, с кафедры ВНД*. Потом у него были люди, которые занимались приложением математики к биологии, к медицине, точнее.

* Кафедра высшей нервной деятельности биологического факультета МГУ

Что произошло там? У Израиля Моисеевича была сильная личная трагедия. Один из его сыновей заболел лейкозом в возрасте, по-моему, тринадцати-четырнадцати лет и умер. Он тогда ужасно мучился таким вопросом, что неужели нет вообще никаких подходов, как вообще можно лечить людей. Он стал очень тесно общаться с медиками и с биологами очень многими. Он понял, что у них, так сказать, мозги не так устроены, и он устроил знаменитый семинар гельфандовский, на который собирались биологи и медики. Там было очень много знаменитых медиков, где они обсуждали различные проблемы. Там они говорили о биологии, медицине, математике, а он их просто учил, как нужно думать, как нужно логически рассуждать, какие гипотезы строить, как их проверять, каким путем нужно, так сказать, идти. Я был небольшим любителем этого семинара по разным причинам, но те, кто в течение, наверное, двадцати лет на семинар ходили, считают, что они колоссальную школу у него прошли. А потом здесь работали биологи, то, что осталось от его лаборатории.

Т. Б.: Ковалёв как раз из биологов.

А. Б.: Он физиолог был, очень хороший физиолог. У него была очень активная диссидентская деятельность, оказывается. В один какой-то момент были акции, более того, они в главном здании развесили какие-то листовки. Мы понятия не имели. Мы настолько были от этого далеки, что даже секретарь нашей партийной организации, сидючи на конференции университета, когда начали называть это имя Ковалёв, Ковалёв, Ковалёв, его совершенно не связал с Ковалёвым. Когда его вызвали на бюро парткома МГУ и сказали: «Ну, какие вы меры приняли?» Он говорит: «От чего?» — «Тогда мы вас исключаем из партии». Поскольку он был ветеран войны, он строгий выговор получил.

В общем, на нас стали, так сказать, косо смотреть из ректората, а главным образом, из парткома, стали интересоваться: а что это там такое вообще в этом доме существует? Потому что мы-то до этого общались только с Иваном Георгиевичем. Были прямые контакты. Мне было тридцать с небольшим лет, у меня возникали дела, я куда шел? Я шел к Петровскому, потому что он был наш непосредственный начальник, понимаете.

Т. Б.: Куратор.

А. Б.: Начальник. Просто по соседству я знал хорошо Евгения Михайловича Сергеева, который был следующим, так сказать, человеком в университете. Он мне говорил: «Нет, нет, ты иди к Ивану Георгиевичу, с вашими делами — это к нему». А тут отца родного нет. Хохлов как-то не особенно нами интересовался, честно говоря, хотя относился хорошо, конечно. Когда ему пришлось нашими делами заниматься, он нас сильно поддержал.

Когда нами стал интересоваться очень сильно проректор Тернов и партком, а он в парткоме был тоже каким-то заместителем секретаря парткома, когда начали с нами разбираться, то установили замечательную вещь: мы целиком подчинились ректорату. У нас не было своей бухгалтерии, у нас не было своего отдела кадров, все это было на центре, как говорили. По всем делам — к главному бухгалтеру или к начальнику отдела кадров.

И они установили, что приказа об организации этих межфакультетских лабораторий не было вообще. Представляете?

Т. Б.: Потрясающе. Это все живет и работает столько лет, а приказа не было.

А. Б.: Не было! Вот эти великие люди: Колмогоров, Гельфанд, Белозерский, Прокофьев, Петровский — они даже не подумали о том, что должен быть издан приказ в университете. Потом уже в планфине мудрые женщины, которые более-менее в курсе были, которые нас и заложили, но как они могли нас не заложить...

Т. Б.: У них спросили — они сказали.

А. Б.: Они сказали, что вся проблема заключалась в том, что в структуре высшего образования такой формы не было — межфакультетская лаборатория. Были кафедры, институты, то-се, пятое-десятое, а межфакультетских лабораторий, что придумал Петровский, не было. И поэтому просто на джентльменском соглашении. У нас было штатное расписание, у нас было финансирование, все на свете. А когда покойный, царство ему небесное, Игорь Михайлович Тернов узнал об этом, он сказал: «Ребята, а вы же не существуете. Давайте думать, что мы будем делать дальше».

Надо сказать, что Илья Васильевич, которого я боготворил, я стольким [вещам] у него научился, занял здесь позицию декана химического факультета. Он позвонил мне, как всегда, в двенадцать часов ночи и сказал: «Алеша, все химические отделы переходят на химфак, просто кафедра химии природных соединений увеличится на эти химические отделы; лаборатория с отделом сольется, и будет только лаборатория. Из общих отделов мы берем себе информацию, потому что это мое любимое. Мы берем себе всю спектроскопию. Мы возьмем изотопы — это нам ближе, а электронные микроскопы, что-то там еще пусть забирает биофак. Соответственно, уйдет на биохимию с Ильиной скулачевская вся эта история. Как ты на это смотришь?» Я говорю: «Илья Васильевич, я смотрю на это резко отрицательно. Я не согласен, нужно искать такой способ, чтобы мы остались жить». Из-за того, что мы жили здесь все исключительно дружно, у нас практически не было пятой колонны внутри.

Т. Б.: То есть все были единодушны.

А. Б.: У нас один человек только, ему биологи задурили голову. Он хороший парень, он сейчас у нас работает на полставки, но тогда мы его выгнали, — заведующий отделом изотопов, но создавал его Володя Федосеев, а потом он уже, как на радиохимию ушел, так... А здесь был такой Женя Сенченков. Он сговорился с биологами, что он к ним с изотопным отделом перейдет. Биологи же вообще без всякого этого большого раздел у нас пытались эту изотопную лабораторию отрезать. Вот мы его выгнали с треском. Держались очень дружно, вплоть до того, что к нам пришло все бюро парткома однажды. Тогда был Протопопов такой, он был секретарем, но он был человек не из ястребов. А вот Саша Шабанов, мой однокашник, он был ястреб настоящий. Еще такой был Леонид Владимирович Лёвшин, физик. Они пришли нас ломать...

Т. Б.: Они были резко настроены?

А. Б.: У нас было партийное собрание, они пришли к нам с тем, чтобы партийная организация поддержала партком МГУ и мы были бы диспергированы. Все это, как они говорили, должно было установиться так, как должно быть по закону. Но мы держались, и ничего они с нами сделать не смогли. Конечно, начались какие-то уже наши поддержки. Нас поддержал Овчинников, нас поддержал Спирин очень активно. В общем, все это было заторможено, причем заторможено, наверное, на довольно длительный период, потому что Хохлов сказал: «Ладно, мы вас трогать не будем». Они считали, что у нас провинился в чем-то наш главный инженер, вот они у нас его в это время, так сказать, забрали. Он ушел в Академию наук куда-то работать. Рем Викторович говорит, что будем что-то придумывать, что делать. Здесь выход нашел Прокофьев. Он как-то не очень, как я говорил, все это глубоко переживал и был в курсе, но однажды я с

ним сел, поговорил в том плане, что надо что-то такое делать. Гельфанд, конечно, уважаемый человек... А Колмогоров, между прочим, в это время его лаборатория ушла на мехмат.

Т. Б.: Вот он только и откололся фактически.

А. Б.: Не он, это лаборатория ушла, он же умер. Он тоже где-то в это время умер. И ребята, которые там были мехматовские, были, наверное, как-то более тесно связаны с мехматом. Так что они вот... У нас тут большой кусок мехмата так и живет теперь с середины 70-х годов. А Михаил Алексеевич сказал: «Хорошо, я посоветуюсь». И он буквально через неделю приехал сюда с человеком из ГКНТ*, выпускником биофака, который тут многих знал. Он там был типа начальника отдела биологии. И они говорят, что нет ничего проще нашей ситуации, надо просто преобразоваться в проблемную лабораторию. И все это закрутилось.

* Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технологиям

Т. Б.: То есть проблемная [лаборатория] может быть межфакультетской?

А. Б.: Все закрутилось. Хохлову это очень понравилось. Он говорил, что все просто, никаких скандалов. Я с ним сговорился по старой памяти, что нам заодно еще и имя Белозерского присвоят, хотя проблемная лаборатория не бывает имени кого-нибудь. Была коллегия этого ГКНТ, нас всех заслушали, Владимир Петрович Скулачев выступал, все рассказал. Нас преобразовали, мы стали проблемной лабораторией и были, по-моему, до 91-го года, когда можно было все, тогда мы преобразовались в институт.

Т. Б.: Это логичный, в принципе, ход событий, потому что институты...

А. Б.: Он уже был институтом, потому что двести научных сотрудников уже было, сто инженеров.

Т. Б.: Да, и подразделений столько, что все на институт указывает.

А. Б.: В общем, мы превратились в институт. А я с 69-го года так в этой должности и застрял.

Т. Б.: Не самая плохая должность. Хорошая.

А. Б.: До сих пор меня директор, который тоже в этой должности застрял, не отпускает, потому что то, что касалось кафедральных дел, было немножко по-другому. Конечно, я все время читал курс молекулярной биологии для химиков, все эти годы, и все студенты, аспиранты были у меня с химического факультета, как это у нас принято. Михаил Алексеевич, не знаю, я думаю, где-то с конца 70-х годов начал такой разговор, что «пора тебе за кафедру браться». В 73-м году я защитил докторскую, там профессора мне дали по специальности, а он все говорил, что вот... А я был этим самым заведующим отделом, это была моя основная ставка здесь, на химфаке я никак не значился. Когда меня выбрали членкором в 85-м году, вот тут Прокофьев мне чуть ли не в этот же день сказал: «Все, будешь заведующим кафедрой». И вот с 85-го по 10-й, по-моему, да, двадцать пять лет я этой кафедрой заведовал.

Понимаете, какая штука. Значит, я уже был совместителем. Меня там на полставки профессора зачислил Кузяков. Я был совместителем: и здесь заведующим отделом в институте, и заместителем директора по науке все время. Надо сказать, что это было все совсем просто, потому что вот мы как жили здесь. Понимаете, я стал заведующим кафедрой, но я все равно тут сидел, каждый день находился здесь. Правда, в среднем, когда я уже кафедрой заведовал, может быть, все-таки кафедральные дела меня больше занимали, в основном мозгов. У меня был замечательный заместитель, здесь есть ее фотография, Вера Андреевна Склянкина. Вы ее, наверное, встречали, знали, где-то с ней пересекались. Это был просто золотой человек. Я как за каменной стеной за ней жил. Она осуществляла все общение и с кадрами, и со Штепой, и с плановиками, и со всеми заместителями декана по учебной работе. В общем, мы с ней замечательно работали. Это то, что касается каких-то таких организационных дел.

Т. Б.: А как потом решилась проблема с Ковалёвым?

А. Б.: С Ковалёвым проблема решилась очень просто. Он был осужден на семь лет тюрьмы сначала, потом

ссылка, то есть он был фактически в ссылке до 90-го года, до 89-го года. Он где-то был в Литве в тюрьме. Он на нас обиделся, судя по его... Дело в том, что у нас здесь работала его жена, до сих пор работает, вот как раз в лаборатории Гельфанда тоже. И были какие-то такие потуги, когда приходили все эти соответствующие товарищи и говорили: «Почему это у вас работает Бойцова, как-то это не хорошо». Но мы это все игнорировали.

Т. Б.: А что ей не работать, чем она-то провинилась?

А. Б.: Вот именно. У нас много еще, конечно, было сложностей таких. Скажем, наша замечательная переводчица Таня Хейфец в какой-то момент решила эмигрировать. К счастью, у нас еще был один заместитель директора по общим вопросам, которого привел сюда Гельфанд. Он знал, что большинство, так сказать, неприятностей будет из его лаборатории, хотя, в общем-то, кроме Ковалёва больше не было. Он привел сюда человека опытного по этой части. И обычно его таскали туда в спецотдел, по режиму у нас был проректор такой. Значит, таскали туда его, меня гораздо реже.

Единственное, что вот Рем Викторович... Я вам не говорил, просто я его знал со студенческих времен, потому что я занимался альпинизмом, а он был у нас инструктором. Мы ходили с ним, связанные одной веревкой. Он человек был очень закрытый, на десять лет меня старше, так что в никаких приятельских отношениях мы не были, но относился он всегда ко мне очень хорошо. Когда мы уже начали выбираться из наших неприятностей, он меня вызвал и сказал: «Ты знаешь, ваше слабое место — это то, что у вас нет ни одного человека в парткоме. Я считаю, что тебе надо пойти в партком».

Рем Викторович Хохлов. Источник фото: <http://ofvp.phys.msu.ru>

О своей партийной работе

Т. Б.: А вы уже были членом партии?

А. Б.: О, я был членом партии с 65-го года, там кандидат, член — с 65-го. Понимаете, какая ситуация. Во-первых, я ни капельки не жалею, что я все эти годы был в партии, потому что так повезло, что мне пришлось довольно интересными делами заниматься по партийной линии. Во-вторых, Михаил Алексеевич мне однажды сказал: «Ты что вообще? Ты о чем думаешь? — это лет мне было 28–29. — Ты посмотри вокруг себя! У нас нет ни одного беспартийного человека в лаборатории, — это еще была лаборатория химии белка. — Ты можешь решать, как хочешь, но я как член Центрального Комитета партии готов дать тебе рекомендацию. Это не очень приветствуется, но...»

Т. Б.: Подвигнул вас.

А. Б.: Вот. И тут еще, конечно, все мое окружение, Зоя Алексеевна, Дина Алексеевна, все наши партийные дамы, они все говорили: «Как же так, мы на вас надеемся». Вначале я, будучи уже партийным, попал в комсомольское бюро факультетское, хотя в более ранние годы занимался музыкой и альпинизмом, а не общественной работой. И там у нас было замечательное бюро, возглавляемое Володей Зломановым. Там Шевельков, Юра Житнев, в общем, какие-то все были замечательные люди, которых я очень хорошо знал. Как-то все было очень по уму, без всяких безобразий, без...

Б. Т.: Без формализма.

А. Б.: Абсолютно. Это была хорошая школа жизни на химфаке. Лунин у меня ходил в подчинении. Он на меня сильно нажал, я согласился, и он определил меня в отдел... Значит, в это время Сашу Шабанова они ушли. Он оказался слишком принципиальным, настаивал, чтобы людей с философского факультета (некоторые из них были членами этого большого парткома университета), которые брали деньги за кандидатские экзамены по философии с военных, военные это все сдавали... Брали они с них такую удивительную цену — 28 рублей 70 копеек.

Т. Б.: А почему?

А. Б.: Я не знаю. Видимо, для правдоподобности, они им выписывали квитанции. А потом кто-то из них пожаловался, и Саша тогда твердо стоял, что всех из партии, всех из университета. А в итоге, в общем, его выперли.

Т. Б.: Как слишком резкого.

А. Б.: Да. Так что с ним пересекался там по делам, когда нас крушили. И там был хороший научный отдел, которым заведовал Леня Асланов, так что я был у него в подчинении.

Т. Б.: Это при большом парткоме?

Сотрудничество с Первым медицинским институтом

А. Б.: Да, при большом парткоме. Он был секретарем по науке, я был у него в отделе. Значит, довольно быстро такой, по-моему, он еще жив, как же его зовут-то... Профессор Брандт на физическом факультете, он заведовал кафедрой низких температур. Он тоже был в этом нашем научном отделе. И он, как-то сидя на одном большом партийном собрании, партийном активе Ленинского района, разговорился с секретарем парткома и проректором Первого медицинского института. И они решили, что нужно установить сотрудничество между МГУ и... Ну как же, Первый мед был частью, нужно установить сотрудничество. И они это дело на меня взвалили. У нас была организация, которая называлась «Штаб».

Т. Б.: По сотрудничеству?

А. Б.: Да. Мы просуществовали, я думаю, лет пятнадцать почти. Этого никто, так сказать, не упоминает,

но медицинский факультет, который потом возник в университете, — это во многом было продолжение таких тесных контактов. И надо сказать, что у нас было замечательное сотрудничество.

Т. Б.: Расскажите, в чем оно отражалось?

А. Б.: Во-первых, у нас было около двадцати общих тем. Там довольно активны были наши люди, математики, в частности. Скажем, тот же Израиль Моисеевич Гельфанд. У него был замечательный проект вместе с замечательным кардиологом Сыркиным в Первом медицинском институте. Старый человек, он до сих пор там заведует отделением кардиологии. Значит, этот Абрам Львович вместе с Гельфандом, они разрабатывали, грубо говоря, вопросник. Врач, когда он ведет обследование больного, собирает какие-то данные, что он должен в первую очередь, какие он должен задать ему вопросы. Оказалось, что такая вещь — это некая программа, некая формализация, какой-то алгоритм не просто общения с больным, а чтобы поставить действительно правильный диагноз. И они вот такие алгоритмы разработали. Тоже все об этом уже давно забыли. Но как-то мне однажды Сыркин попался, жену я водил как раз туда, в этот семисоткоечный корпус. А мы были совершенно свои люди в этом Первом меде, мы там знали все, бегали, общались с заведующими кафедрами. Я его встретил, мы о многом поговорили, и я его спросил: «Как судьба этого алгоритма?» А он говорит: «Очень просто. Просто все им давно уже пользуются и даже не думают, что это какой-то алгоритм». Были, конечно, отдельные гениальные люди типа моего учителя Виноградова. Еще такой Плетнёв был, которого обвинили в том, что он Горького на тот свет отправил. Плетнёв подходил вот, там палата застекленная, он подходил к стеклу и говорил, у кого что, ставил диагнозы. И Виноградов тоже.

Т. Б.: Правильно ставил?

А. Б.: Правильно, да. Короче говоря, он говорит, что это все работает.

Т. Б.: Это уже, наверное, в учебники вошло.

А. Б.: Вот это был такой проект. Они все это внедряли где-то, уже три женщины было, математики профессиональные, они внедряли в больницы, которая... 33-я, по-моему, да? Тут за метро Вернадского.

Т. Б.: 31-я.

А. Б.: 31-я. В этой больнице они это внедряли в отделении урологии. Но по-настоящему этим пользовались очень сильно в госпиталях военных, потому что они, как всегда, ничего не боялись. Они там внедрили методологию, которая позволяла делать решение при инсультах: операция или консервативное лечение. Работало изумительно совершенно. Конечно, как всегда кто-то сопротивлялся.

Потом была, например, на химическом факультете... У нас там главным активным человеком был такой Мельников с кафедры неорганической химии. У него было второе образование медицинское: он химфак кончил и Первый мед потом. Потом он все-таки ушел в доктора. Одно время он там работал, как раз представлял химфак. И на химфаке была (фамилии я плохо запоминаю) такая дама, тоже на неорганике, которая занималась платиновыми соединениями. По сути дела, она разработала препарат, как он сейчас называется, который до сих пор очень широко используется в химиотерапии рака. Он жутко ядовитый, но очень многих людей спасал. Она работала там с какими-то онкологами.

Очень активны были психологи. Тогда еще был жив Лурия — это в медицинской психологии, так сказать, светило нобелевского уровня. Он открыл в Первом меде лабораторию, которая занималась реабилитацией людей, потерявших речь в результате травм. Они разработали там какую-то методику, и люди с психфака там сидели, реально с врачами работали и занимались реабилитацией людей. Через них прошли сотни людей тогда, сотни. С удивительным эффектом, у всех. Мы сначала не верили, потом все-таки поверили. Значит, человек, потерявший речь, даже если он доктор наук, первое что начинает делать — это материться.

Т. Б.: Это как?

А. Б.: Первые слова, которые он произносит, — это на 100%, понимаете... У психологов есть какая-то целая

теория на этот счет, объяснение.

Т. Б.: Видимо, это что-то подсознательное, первое.

А. Б.: Да, конечно, первое что они начинают — это произносить матерные слова.

Т. Б.: Неожиданно.

А. Б.: И они вытаскивали этих людей. В общем, это была большая дружба, когда люди с биофака... Такой был Розен Виктор Борисович, у него была лаборатория эндокринологии, но они занимались такими фундаментальными делами, а тут у них были очень серьезные работы с медиками. Так что это была настоящая... У нас были конференции общие.

Т. Б.: А почему вы говорите была? А сейчас этого сотрудничества уже нет?

А. Б.: Нет. Когда появился медицинский факультет, то в этом от... Во-первых, наступил момент конца перестройки, 90-е годы, все как-то пошло в развал. У нас остались, конечно, контакты, но какие это контакты: мы людей наших устраивали все время туда лечиться. И поэтому по-прежнему у нас до сих пор здесь работает Вадим Иванович Самойлов, он очень старенький, он фактически-то мало чего делает, но мы его охраняем: не дай бог, чтобы его кто-то захотел уволить или еще что-нибудь. Потому что через него прошли сотни университетских людей, которых... Он был в нашем штабе. Он был ответственным за госпитализацию, поэтому он связывался со всякими, но чаще всего, скажем, Сыркин, наш партнер. Я не знаю, скольких он вылечил профессоров МГУ, это даже трудно перечислить. Чуть плохо с сердцем, инфаркт, не дай бог, — все туда, все к нему. Потом был такой Пытель, очень известный уролог. Чуть какие-то колики — все к Пытелю. Нас тогда очень поддерживало это сотрудничество. Петровский, тогда он был министром, тоже в Первом меде работал. Он был министром здравоохранения и в университет сюда приезжал... В общем, у нас было довольно много конференций.

Т. Б.: Совместных, да?

А. Б.: Совместных. Они рассказывали и мы. Были школы выездные, мы ездили. У нас, например, был замечательный выезд в Архангельский медицинский институт. Мы туда всех наших светил подвезли, они там прямо чуть с ума не сошли.

Т. Б.: Конечно. От созвездия.

А. Б.: Так что, конечно, сохранились какие-то связи. Это уже, правда... Понимаете, мы начинали с Первым медом, а потом что-то такое добавлялось. Например, очень прочный контакт был и в какой-то степени остается с онкоцентром, с несколькими лабораториями. Вот такая была моя партийная работа, и я очень ей горжусь.

Т. Б.: Да, она вполне реальная была, не оторванная от жизни.

А. Б.: Абсолютно. Абсолютно. И очень интересно было, конечно, общаться с ними. Это другой мир совсем, там такая иерархия. Когда ты приходишь, профессор из МГУ, там все бегают на цыпочках. Тут тебя не замечают, могут толкнуть, и все прочее.

Т. Б.: У них другой образ мыслей. И у них все же медицина как наука, она, по-моему, больше медицина как искусство.

А. Б.: Конечно.

Т. Б.: А когда привносятся действительно естественные науки и естественнонаучный подход, я думаю, это очень многое медицине должно давать.

А. Б.: Много было, конечно, таких ситуаций, когда наши люди приходили, им казалось, что они занимаются наукой, а оказывалось, что это какой-то примитив.

Т. Б.: С естественнонаучной точки зрения-то, конечно.

А. Б.: Да. С другой стороны, все-таки какие-то устанавливались контакты. Где-то примерно двадцать таких совместных проектов мы тянули. Причем некоторые были солидные, скажем, как у психологов, это как бы было очень серьезно. И что-то здесь возникало в университете тоже, люди сдвигались как-то ближе к медицине.

Факультет фундаментальной медицины МГУ

Т. Б.: Ближе к выходу в практику. А почему вы говорите, когда медицинский факультет возник... Как это повлияло на контакты с мединститутом?

А. Б.: Как повлияло. Поскольку у нас началась масса трудностей в начале 90-х годов, и где-то в году, наверное, в 93-м или уже в 95-м возник этот самый медицинский факультет... Достаточно давно. Там так получилось, что тогда Виктор Антонович стал сильно советоваться с Чазовым. И первые люди, которые от медиков организовывали это, и до сих пор, конечно, он очень сильно завязан на кардиоцентр.

Т. Б. Это наш медицинский факультет?

А. Б.: Да. Там как-то наш Первый мед... Честно говоря, я даже не знаю, что из того, что делали мы, перешло на тот факультет. Но вот чисто идеологически, я думаю, что в университете должен был, мы все время об этом твердили, да. Логунов на это не реагировал. Логунову как-то наше сотрудничество было не особенно интересно, хотя у нас была пара больших ученых советов, на которых это все рассказывалось и обсуждалось. Как ни странно, этим больше занимался партком. Все-таки эта идея все время жила, о том, что в университете должен быть медицинский факультет. И когда этим занялся Садовничий, вот он это как-то...

Т. Б.: ...продвинул.

А. Б.: Он опирался, да. Он это, во-первых, все реализовал там, и декана нашли тогда из кардиоцентра, такого Медведева. Собственно говоря, Всеволод Арсеньевич Ткачук тоже ведь из кардиоцентра. Он всегда понемножку работал на кафедре биохимии, но лаборатория-то у него основная до сих пор остается в кардиоцентре. Соответственно, раз там был Чазов, значит, они очень сильно ориентировались на 4-е управление кремлевское.

Т. Б.: И какие-то люди оттуда сюда пришли, да?

А. Б.: Да. И база у них тоже в 4-м управлении, основная клиническая.

Т. Б.: На Мичуринском проспекте, да?

А. Б.: Нет, это в Кунцево. Так что вот такие дела.

Это мы с вами поговорили про общественную работу.

Т. Б.: Да, про организационные дела и про общественную работу. Теперь у нас остается развитие вашей научной деятельности за это время, так сказать, уже к науке ближе. Давайте это на следующую беседу.